

Владислав Крапивин

**«ЧОКИ-ЧОК»,  
ИЛИ РЫЦАРЬ  
ПРОЗРАЧНОГО КОТА**

*Повесть-сказка*



*Рисунки Юлии Хотян*



Москва  
Издательский Дом  
Мещерякова  
2019

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ  
Дом на улице Крайней

**Новость**

Кривую баньку в заброшенном саду не топили уже много лет. Тепла в ней совсем не осталось. Но запах берёзовых веников, несмотря ни на что, сохранился. Ыхало любило этот запах. Поэтому в летнее время оно проживало в баньке, как на даче. Уютно здесь было и спокойно.

Иногда Ыхало забиралось на верхнюю полку и впадало в сладкую спячку на несколько суток.

В конце июня, после недельной спячки, Ыхало сидело на полке и беседовало с тенью кота Филарета. Тень упрекала Ыхало:

— Дрыхнешь без задних ног, все новости проспало. А мне и поговорить не с кем...

— Ну какие, Филаретушка, в нашей жизни могут быть новости, — почёсываясь, кряхтело Ыхало.

— Громадные, мур-мяф меня подери! Старуха уехала! Насовсем!

— Насовсем?! — Ыхало подпрыгнуло и стукнулось макушкой о низкий потолок. — Не врѣшь?

Тень Филарета поудобнее уселась на стенке холодной печки, полизала растопыренную лапу (точнее, тень лапы).

— Зачем же мне врать? Не первое апреля... Уехала к брату в Калугу, решили вдвоём век доживать. По-моему, правильно...

— А дом?

— А дом продала. Почти со всем имуществом. Даже часы с Петрушей оставила. И Большую картину...

— А кто новый хозяин? — осторожно спросило Ыхало. Потому что хуже, чем при старухе, не будет, но всё-таки...

— Хозяин — художник..

— Да ну? Как Орест Маркович, значит!

— Именно! Именно, дорогой Ых! Мало того. Они, можно сказать, родственники!.. Ну, не в полном смысле родственники, а, так сказать, духовные.

— Ты выражайся попроще, я ведь необразованное.

— Ладно, не притворяйся... А дело вот в чём. У первого-то нашего хозяина, у Ореста Марковича Редькина, было много учеников. И самый талантливый — Иванов Иван Климович. Тот самый, у которого знаменитая картина «Необозримые просторы». А у этого Иванова, у Ивана Климыча, тоже были ученики. Как бы уже творческие внуки Ореста Марковича. Вот один-то из этих внуков, Пеночкин Евгений Павлович, и купил дом... Как прочитал объявление о продаже, сразу кинулся. «Это, — говорит, — колыбель моего вдохновения. Меня сюда однажды в детстве учитель приводил, когда Орест Маркович ещё жив был, только седой весь. И я ему свои рисунки показывал, а он меня гладил по головке...»

— Как трогательно, — сказала Ыхало. — Помню, как меня Орест Маркович тоже гладил по темечку.

— Да и меня, мурр-мяу... — разнеженно заметила тень. — То есть не меня, конечно, а... ну, в общем, ясно...

— Ясно, ясно, — вздохнуло Ыхало. — Орест Маркович душевный человек был. Не то что старуха... Она небось за дом-то несусветную цену заломила? А?

— Да уж не без того...

— Только вы не пугайтесь, пожалуйста, — попросили из-за двери.

Лёша даже рассердился слегка:

— Вылезайте живо! Мы не нервные!

Но на всякий случай он нащупал под подушкой свою рогатку и шарик из высохшей глины.

Дверцы со скрипом (конечно же, с медленным таинственным скрипом!) растворились, и на свет выбралось... существо.

Представьте себе метровой высоты пузатый самовар с футбольным мячом вместо чайника. А ещё представьте, что самовар этот и мяч обмазали клеем и вываляли в клочьях пыльной шерсти, пакли, паутины и всякого мусора, затем украсили мяч-голову большущими круглыми глазами. Зелёными, как бутылочное стекло. Угадывался у мяча и широкий рот, но не было даже намёка на нос.

Подставки у мохнатого самовара не имелось, зато были тонкие чёрные ножки в облезлых, подвязанных верёвочками калошах. Самоварных ручек-держалок и крана тоже не наблюдалось, но виднелись руки, почти человечьи. Только мохнатые и с ладонями цвета старых картофелин...

Лёша вдруг сообразил, что Даша тихонько визжит, а сам он сидит с рогаткой наизготовку.

— Руки вверх!

Существо послушно подняло руки с растопыренными пальцами.

— Не стреляйте, пожалуйста, я сдаюсь.

Зелёные глаза были испуганные и, кажется, печальные.

Лёше стало неловко, и он опустил рогатку.

— Это я так просто... Дашка, не пищи!.. Кто вы такой?

— Видите ли... ых-пых... я... так сказать...

— Вы, наверно, инопланетянин?

— Ни в малейшей степени... Наоборот, я совершенно земное создание. Уроженец этого дома...

— А, понимаю! Вы домовый!

— М-м... если по должности, то, пожалуй, да... А если по происхождению, то не совсем... Вы позволите мне опустить руки?



— Да ты не стесняйся, Филарет, — сказала Ыхало, — здесь все свои... Можно я про твою коллекцию расскажу?

— М-м? Мр... мя...

— Всё понимает, — с удовольствием сообщило Ыхало и погладило тень ладошкой. — Жаль только, что разговаривать по-человечески не научилась. Но по-своему мы с ней часто беседуем...

— А что за коллекция-то? — нетерпеливо напомнил Лёша.

— Видите ли, когда тень стала жить сама по себе, жизнь эта показалась ей ужасно скучной. Раньше-то у неё те же интересы были, что у кота. Все вместе, вдвоём. А теперь что? Бесплотное, так сказать, существование... Вот от нечего делать и увлеклась она филателией. Может, потому, что «Филарет» и «филателия» похожие слова.

— Никогда не слышал, чтобы кот собирал марки! — удивился папа. — И тем более тень кота!

— А между прочим, это весьма удобно, — объяснило Ыхало. — Тень — она совершенно плоская, может проникать в самые тонкие щели. И между листами альбомов тоже... Она стала бродить по городу, узнавала адреса коллекционеров и... В общем, заберётся в альбом и марку за маркой коготочком себе в кармашек... Теперь у тень-Филарета богатейшая коллекция!

Наступило неловкое молчание, потом Даша нерешительно сказала:

— Но ведь это нехорошо... чужие марки из альбома...

Тень на столе возмущённо фыркнула и взъерошилась, а Ыхало воскликнуло:

— Вы меня неправильно поняли! Тень вытаскивала не сами марки, а тени от них! Они-то ведь коллекционерам совершенно не нужны! Посудите, какая разница, есть в альбоме под маркой тень или нет!

— Это совсем другое дело! — обрадовался папа. — Вы, Филарет, удивительно остроумный кот... э, виноват, тень кота. — И он тоже погладил тень на клеёнке. Тень замурлыкала и растопырила лапы...

— Почешите у него за ухом, — шёпотом попросило Ыхало, — он это очень любит.



Сперва показалось, что и правда летающая тарелка. Метра два в диаметре. Она ребром засела в развилке сухой берёзы. Не очень высоко — взрослый дотянулся бы до нижнего края.

Тарелка испускала равномерный свет, который сперва казался Лёше очень ярким. Но это сперва. Лёша поморгал и разглядел на светящемся диске какие-то выступы, узоры, чешуйчатый рисунок. И сразу перепуганно понял, что она — ж и в а я!

Это была вовсе не тарелка. Это была громадная круглая рыба!

С одного края спускался до земли лёгкий, будто марля, хвост. Вверху торчал зубчатый плавник. Темнели жабры, и выделялся круглый чёрный глаз. И рот был! С толстой нижней губой, капризно выдвинутой вперёд.

Глаз размером с крупное блюдце блестел, шевелился и смотрел на Лёшу.

Лёша качнулся назад и пятился, пока его не кольнули в затылок еловые ветки. Тогда он услышал глухой недовольный голос:

— Подожди...

Лёша замер.

— Только не вздумай стрелять, — сердито предупредила рыба.

— Нет, что вы... — Лёша торопливо повесил рогатку на шею.

Рыба тихонько постонала и вдруг чихнула. Так, что сухая берёза качнулась и с неё посыпался мусор.

— Будьте здоровы, — слабеньким от страха голосом сказал Лёша.

— Спасибо... Ты, наверно, мальчик Лёша, который приехал в старый дом на Крайней улице?

— Да... А вы откуда знаете?

— С высоты всё видно, — с кряхтеньем откликнулась рыба. — Да никто другой, кроме тебя, и не мог тут оказаться...

— Почему? — прошептал Лёша.

— А вот потому...

Лёша решил на новый вопрос:

— Простите, пожалуйста, а вы кто?

— Неужели не видно, кто я?.. Рыба-луна. Разве не слышал про такую?





— Просто у меня дурное настроение. Я очень расстроена.

— А-а... — понимающе протянули Даша и Лёша.

Буква «а» приподнялась на ножках и, кажется, чуть-чуть увеличилась.

— Благодарю вас. А не могли бы вы ещё раз сказать «а-а»?

— Зачем? — удивился Лёша.

— Это вливает в меня новые силы. Ведь звук «а» мой родной. Когда я наполняюсь им, то даже подрастаю.

Лёша и Даша переглянулись и разом заголосили:

— А-а-а-а!..

Буква «а» радостно затанцевала и выросла на глазах. Ста-  
ла ростом в полсантиметра.

— А-а-а-а!!

Буква качалась на ножках и поглаживала выпуклый животи-  
тик. Она сделалась ещё больше.

— А-а-а-а!!

— Что с вами? — Это мама распахнула дверь.

— Ничего! Мы играем! — радостно объявили брат и сестра.

— Что за игры! Я думала, у вас обоих животы схватило!..  
Марш умываться, завтрак остывает!

— Сиди здесь, — велел Лёша букве «а». — Если будешь  
себя хорошо вести, мы для тебя снова покричим, и ты ещё  
подрастёшь.

— Спасибо! Тогда я смогу устроиться на работу в какой-  
нибудь престижной вывеске.

Лёша закрыл альбом.

## Звуковое письмо

Ыхало уселось в плюшевое кресло и втянуло руки и ноги. Оно было похоже на ком серой пакли с большими зелёными глазами. Глаза удивлённо мигали. Ыхало слушало рассказ о недавних Лёшиных приключениях.

— Ых, какие дела... Сколько живу, а ни о чём таком не слышало...



— Малый ход! — торопливо скомандовал Лёша (а то вдруг поезд больше не захочет ехать?).

Пых-пых, — поезд опять двинулся по заросшей узкоколейке...

Кругом стояли заросли высоких сорняков. Над ними торчали розовые головки кипрея. Носились перепуганные воробьи и галки. Пролетела ворона, она что-то скандально орала. Не то «караул», не то «украли», хотя, конечно, никто ничего у неё не крал.

С поездом между тем происходили удивительные изменения. Ящики стали просторнее. На стенках выросли витые столбики, и оказалось, что они поддерживают бело-красные полосатые навесы с бахромой и кисточками. Появились жёлтые лаковые скамеечки. Но самое интересное случилось с самоваром. Высокая трава, сквозь которую пробирался поезд, настигла самовару бока до солнечного сверкания. Кроме того, он заметно вырос, на нём появились всякие паровозные приспособления: движущиеся рычаги, шипящие трубки и различные загогулины. Рычаги и шатуны бойко вертели настоящие колёса.

Короче говоря, мятый облезлый самовар превратился в настоящий маленький локомотив. Очень красивый.

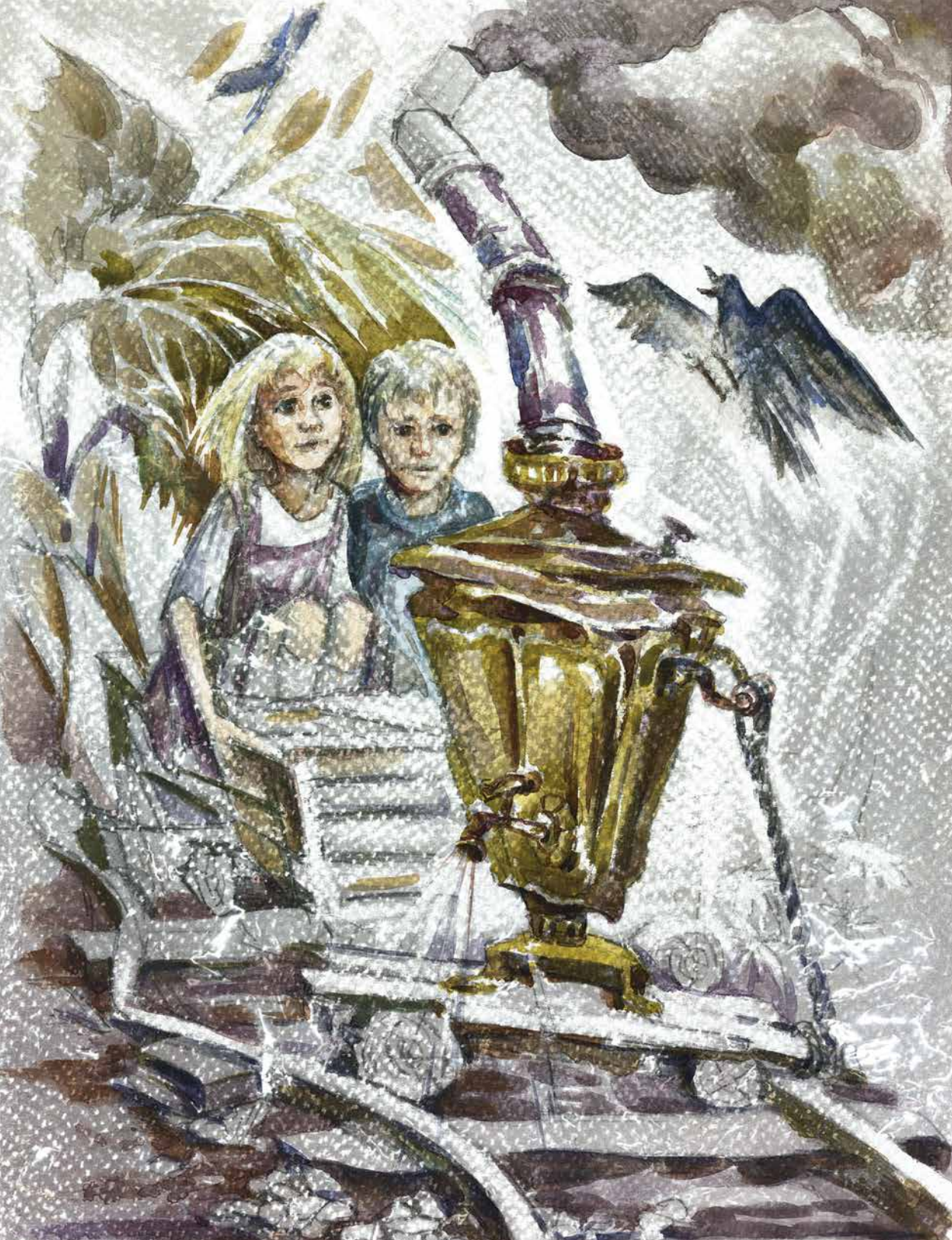
Но всё это не так уже сильно удивляло Лёшу и Дашу. Может быть, они стали привыкать к чудесам. А может быть, решили, что чудеса эти им просто кажутся. Бывает ведь так, что во время хорошей игры придуманное выглядит как настоящее...

Больше, чем сам поезд, Лёшу и Дашу интересовало то, что было вокруг.

Заросли сорняков кончились. Потянулась местность с маленькими, похожими на кочки холмами. На них кое-где махали разноцветными крыльями крошечные ветряные мельницы.

Потом по горбатому мостику переехали ручей и оказались в светлой берёзовой роще. Поезд остановился у дощатой платформы размером с положенную на землю дверь.

На столбике вагонной крыши тряслась чёрная воронка, она сказала голосом гнома Петруши:



Тогда тень Лилипута прозрачным языком лизнула тень кошачьей морды.

— Мр-р... — отозвался тень-Филарет разнеженно и потёрся о тень собачьего носа.

— Давно бы так, — сказала Даша.

— Но как тень-Филарет сюда попал? — удивился Лёша.

— Тени — они все такие, — объяснил Бочкин. — Всегда без спросу и в любую щель...

— Поедешь с нами домой, — велел Лёша тень-Филарету. Но тот не обратил внимания. Он лапой дурашливо цапнул тень собачьего уха и отпрыгнул. Тень Лилипута мигом откликнулась на игру, вскочила. Тень кота бросилась удирать, тень пса — за ней.

— Ну и дела... — покачал красной фуражкой Бочкин. А Лилипут удивлённо посмотрел на солнечные половицы, где теперь не было его тени. Вздохнул и положил морду на передние лапы.

— Извините, но нам пора, — опять напомнила Даша.

— Ещё порцию мороженого на прощанье, — предложил Бочкин. Ему не хотелось расставаться. От мороженого даже Даша не могла отказаться. Хотя и сказала:

— Ох, не схватить бы ангину.

— Мороженое, наоборот, полезно от простуды! — заспорил Лёша. — Я недавно им рыбу-луну вылечил! Тётю Ихтилену!.. Дядя Бочкин, вы её знаете?

— Ну как же, как же! Она и ко мне навевывалась за мороженым неоднократно. Очень приятная особа. Трудолюбивая. Светит целыми ночами над всей нашей местностью... Но говорит, что и ей с высоты не видно сейчас столицу. А раньше даже отсюда, с Пристани, весь город был как на ладони. Вернее, как на макушке... Непонятные настали времена и невесёлые...

Он задумался, и тогда Лёша и Даша стали прощаться. Обещали скоро навестить Бочкина снова. Тот проводил их до поезда. А Лилипут целых пять минут бежал рядом с поездом (который ехал теперь задом наперёд: паровозик толкал вагоны). Тень Лилипута прыгала рядом с ним. А куда девался тень-Филарет, неизвестно. В последний момент его видели растянувшимся на жёлтой бочке (она осталась на станции).

